

Денис Михайлович Сахарных

Удмуртский национальный интернет: что мешает развитию?

Издано: Сахарных Д. М. Удмуртский национальный интернет: что мешает развитию? // *Пресса и власть на уроках у свободы слова: Материалы научно-практических конференций «300 лет российской газете. Региональная пресса. 1703–2003»* (26 декабря 2002 г.), «10 лет специальности „Журналистика“ и 5 лет факультету журналистики УдГУ» (17 декабря 2004 г.). Воспоминания и размышления ветеранов журналистики. / Сост. А. Г. Шкляев, А. А. Вахрушев, отв. ред. А. Г. Шкляев. УдГУ, Ижевск, 2006. С 2008 г. публикуется под лицензией Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 3.0 Unported (by-nc-nd).

Мне уже приходилось затрагивать вопросы, связанные с судьбой удмуртского национального сектора интернета и в сетевых, и в обычных, бумажных, публикациях. Однако во всех этих случаях я в большей степени обращался к аудитории моих коллег, исследователей социальных наук (истории и философии), в то время как сама тема требует широкого практического осмысления в среде тех, кто, собственно, и творит финно-угорскую словесность в традиционном формате, и кто потенциально должен творить её и в формате сетевом — я имею в виду финно-угорских национальных писателей и журналистов.

По этой причине и было сочтено целесообразным опубликовать (с некоторыми дополнениями, размещёнными в угловых скобках) текст моего интервью, данного в 2005 году петербургскому лингвисту, видной и активной фигуре осетинского национального интернета Вячеславу Геннадьевичу Иванову. Непосредственным поводом для разговора послужила история руководимого мной научно-информационного интернет-портала «Удмуртология», однако в ходе беседы был затронут и более широкий круг вопросов, о которых даёт представление заголовок настоящей публикации.

* * *

Вячеслав Иванов: Денис, вы историк, но вас часто считают языковедом...

Денис Сахарных: Это распространённое заблуждение. Изучение языков и лингвистика — это не совсем моё... Профессионально и по-человечески мне интересна этническая история моего региона — Урало-Поволжья, а её исследование решительно невозможно без умения мыслить в лингвистических категориях и, конечно, владения определённым языковым материалом.

В. И.: Имеется в виду владение удмуртским языком?

Д. С.: Имеется в виду не столько владение, сколько представление о языковом строе (прежде всего — о фонетике и морфологии), о лексике, об истории языка, его родстве и контактах. Но удмуртский и татарский — да, специально учил. Ижевск ведь не только удмуртская столица, но и один из центров российских татар. Татарский в нашем городе куда более заметен, чем удмуртский...

В. И.: Как вы оцениваете положение удмуртского языка вообще? В интернете, например, его иногда относят к разряду исчезающих (endangered) языков...

Д. С.: Да-да, это один из элементов мифологии, сложившейся вокруг удмуртов и их языка (*улыбается*). Приходится часто слышать, что удмуртский язык уже почти

вымер, или что его помнят только старики в деревнях... Однако при переписи населения в 2002 году о своём знании удмуртского заявили около 464 тысяч человек, что всё же заметно больше, чем количество удмуртов всех возрастов, живущих в деревне (около 340 тыс. человек).

Часто коллеги, знающие об Удмуртии понаслышке или из западных источников, бывают сильно удивлены, узнав, что на удмуртском языке выходят газеты, издаются книги, что на нём говорит немало молодёжи (и что народ хочет ещё больше книг, теле- и радиопередач и газет). Конечно, это не означает, что проблем нет. Они существуют, и они очень похожи на проблемы многих этнических языков России. Прежде всего, конечно, это добровольная языковая ассимиляция. Ведь знание удмуртского мало чем может помочь в реализации жизненной программы обычного человека — а она у среднего удмурта такая же, как и у среднего россиянина: качественное образование, хорошая работа, личное благополучие, семейное счастье...

В. И.: Вы упомянули образование — а как в этой сфере обстоит дело? Есть ли обязательное преподавание в школах, национальная школа, изучение в вузах и т. д.?

Д. С.: Удмуртские школы (всего их в Удмуртии, Татарии и Башкирии более пяти-сот), педучилища в районах республики и Глазовский пединститут работают активно, хотя, конечно, даже на селе охват удмуртских учащихся национальными школами неполный, и в этой сфере есть что развивать. В Ижевске удмуртские классы (классы с изучением родного языка и литературы) есть примерно в трети школ. Есть даже национальная гимназия, хотя мне кажется, что создание «этнических инкубаторов» — это очень советское по духу, и вряд ли правильное решение. Национальная ограниченность вредит. Это очень заметно, например, в практике факультета удмуртской филологии Удмуртского университета, где 100% учащихся — удмурты-селяне. Впрочем, с открытием факультета журналистики небольшую брешь в стене этнической и социальной сегрегации в нашей филологии удалось пробить.

А обязательного преподавания нет по разным причинам, хотя я, конечно, считал бы весьма полезным ознакомление учащихся школ и профессиональных училищ Удмуртии с основами удмуртского языка и культуры — и совсем не обязательно в рамках предмета «Удмуртский язык как иностранный». Такой обязательный предмет вряд ли кому-нибудь сейчас нужен. Это мог бы быть лингвострановедческий курс, в рамках которого тема языка красной нитью проходила бы через рассказ о культуре, обычаях, истории удмуртов и нашего края. Это многим интересно.

В. И.: Как получилось, что вы взялись за разработку удмуртского проекта в Сети?

Д. С.: Как я уже сказал, люди часто интересуются теми или иными вопросами, связанными с удмуртской историей и культурой. Есть не очень активный, но устойчивый и, увы, очень плохо удовлетворяемый в Удмуртии интерес к языку. Когда я в мае 2002 года открыл мой сайт udmurtology.narod.ru < ныне доступный также по адресу www.udmurt.info >, это была самая обычная персональная страничка с фотографией, резюме и списком опубликованных научных работ. Но специфику интернета я ощутил быстро: мне стали писать, задавать вопросы... а тем временем я с удивлением обнаружил, что удмуртских сайтов в сети почти нет!

В. И.: За три прошедших года ситуация не изменилась?

Д. С.: Увы, даже и теперь их можно пересчитать по пальцам одной руки! Моя «Удмуртология», несколько сайтов зачинателей удмуртского интернета — братьев Петровых, сайт Сергея и Веры Чирковых — вот, за некоторыми несущественными исключениями, и всё... < к настоящему времени этот список несколько пополнился >

Эта ситуация заставила меня очень много думать, и в результате концепция сайта радикально поменялась. Я решил создать такой интернет-проект, на страницах которого любой интересующийся мог бы найти интересную и достоверную информацию по удмуртскому языку, задать вопрос... В результате прежний «хоумпейдж» превратился в посвящённый удмуртскому языку и культуре портал: с удмуртской грамматикой, начальным курсом языка, с разнообразными публикациями на удмуртские темы, со ссылками на другие интересные сайты. Был открыт форум, рассылка новостей национального интернета. Правда, если судьба форума была подчас просто драматической (два раза пришлось менять хостинг, целиком или частично пропала база данных, были периоды, когда он вообще надолго исчезал из Сети), то рассылку стабильно читают несколько десятков пользователей, и в этом году подписались ещё несколько человек. Увы, подавляющее большинство тех, кто заходит на сайт, форум или получает рассылку, предпочитают именно читать, а не участвовать. Возможно, концепция традиционного СМИ была бы более удачной, чем задуманная мной интерактивная схема... Всё же пока интернет и большинство миноритарных языков России остаются друг другу чужими.

В. И.: А в чём, по-вашему, причина ограниченного использования этих языков (в частности, удмуртского) в интернете? Можно ли (и нужно ли, на ваш взгляд) что-то предпринимать для изменения ситуации?

Д. С.: Причина, я думаю, даже не одна. Очень часто — и правильно — говорят о том, что интернетизация населения России очень низка, что стоимость самой услуги в большинстве регионов России остаётся слишком высокой, не говоря о том, что ещё далеко не все семьи могут позволить себе иметь компьютер и телефон. Это особенно актуально на селе. А большинство удмуртов, кстати, именно в деревнях и живут. Но всё-таки мне кажется, что дело не только в этом. Ведь действием социально-экономических факторов можно было бы объяснить тот факт, что удмуртоязычных веб-страниц мало, но этим никак нельзя объяснить того, что их практически нет! Показательно, что первопроходцами удмуртского национального интернета стали двое удмуртов-сельчан, основной доход которых составляет государственная пенсия по инвалидности.

А ведь все удмурты — живут они в городах или на селе — про интернет слышали, многие, прежде всего по служебным делам, пользовались электронной почтой или веб-сёрфингом. Студенты и школьники могут выходить в интернет в своих вузах и школах. Но даже разразившаяся в Рунете эпидемия блогов, когда иметь свою страничку в Живом Журнале стало почти столь же обычным делом среди пользователей Сети, что и иметь номер ICQ или адрес электронной почты, даже она никак не затронула сердца и умы удмуртоязычных юзеров. Ни одно удмуртоязычное СМИ < исключением сейчас является лишь ТРК «Моя Удмуртия», поддерживающее новостную ленту на удмуртском языке > не сделало до сих пор и попытки об-

завестись интернет-версией (можно подумать, удмуртам в Эстонии, на Украине, в соседних регионах, в Сибири и Казахстане было бы не интересно прочесть о том, чем живёт их малая родина!). Значит, дело в чём-то другом.

Мне кажется, что пользователи — носители этнических языков — очень превратно представляют себе возможности интернета. Конечно, прежде всего следует упомянуть о технических трудностях. Отсутствие стандартных национальных шрифтов, раскладок клавиатур — всё это воздвигает перед такими пользователями громадный технический и психологический барьер. И хотя технические проблемы очень медленно, но решаются — а психологический барьер остаётся.

Вообще, почему люди, жертвуя известной частью досуга, что-то делают своё в интернете — пишут в блоги, сочиняют сайты, устанавливают форумы? Потому что ими движет желание рассказать о себе, о семье, о своей работе и хобби, найти новых друзей во всех концах земли, открыть для себя что-то новое. А интернет им такую возможность предоставляет — его можно *обживать*. Но среди очень многих носителей этнических языков мне доводилось встречать несколько иное отношение к интернету: как к месту, где можно получить электронную почту, или прочитать что-нибудь на сайте. При таком подходе интернет выполняет пассивную роль почтового отделения или библиотеки: в реальной жизни и туда, и туда можно периодически заходить, можно даже часто — но никому не придёт в голову там поселиться. Нечего и говорить, что сфера т. н. «сетевой словесности» не может при таких обстоятельствах не представлять собой совершенно отстранённую от повседневной жизни народа вещь.

Конечно, такое отношение надо преодолевать, тем более что сделать это совсем не сложно: можно (и нужно) сагитировать национальные СМИ на составление интернет-версий, а, можно, скажем, объявить конкурс на лучший веб-сайт класса или школы на удмуртском языке... Здесь огромный простор для фантазии.

В общем, затруднения этого рода, как я уже сказал, связаны с превратным представлением о возможностях и пользе интернета. Но есть и ещё один момент. Это — достаточно распространённое, увы, неверие в силу и возможности родного языка. Вот вы, Вячеслав, очень метко сказали однажды о том, что у осетин «сложилось неправильное отношение к родной грамоте как к занятию закрытой „касты“ писателей и филологов». Но и у удмуртов это же отношение выражено чрезвычайно сильно! К сожалению, развёрнутая группой учёных и журналистов в 1990-ые годы откровенно шовинистическая кампания по «очищению» удмуртского языка от русизмов и интернационализмов только углубила этот губительный для национальной культуры разрыв между существованием языка в письменной форме и проявлениями народной инициативы и свободного духа. А сколько вреда принёс усиленно муссируемый тезис о якобы непреодолимой диалектной дробности удмуртского языка, о том, что якобы удмуртский литературный язык непонятен удмуртам-северянам, потому что его-де создавали южане!..

На развитии удмуртоязычного интернета отрицательным образом сказывается и чуждость удмуртского языка иноязычному населению Удмуртии. В массовом сознании иноэтничного населения господствуют самые дикие, фантастические представления об удмуртах и удмуртском языке (о чём я неоднократно писал на сайте и на форуме). Во многом это объясняется нынешним кризисным состоянием гума-

нитарных наук и в целом интеллектуальной жизни в республике. Говоря о языке, нельзя не отметить полную незаинтересованность лингвистов-удмуртов в популяризации языка через составление фундаментальных грамматик и словарей (издававшихся в последний раз 20-50 лет тому назад). Сложно поверить, но в Ижевске без особого труда можно купить самоучитель китайского языка, а удмуртского — невозможно. В результате для широкой публики, в особенности — для молодёжи, удмуртский язык, история и культура удмуртов являются форменной *terra incognita*, а интересоваться тем, о чём неоткуда получить сколько-нибудь внятное представление, довольно затруднительно.

Одним словом, положение удмуртского национального интернета во многом определяется общим положением современного удмуртского языка и удмуртской словесности. Но у нас, к сожалению, многие привыкли ждать милостей извне: от государства, от доброго дяди из-за границы, и при этом сидеть сложа руки и жаловаться на судьбу. Приведу один пример. Удмуртский народ — это очень песенный народ, а удмуртские песни популярны у нас не только в удмуртской среде. И вот в республике есть огромная, абсолютно неутолённая нужда в песенниках. То, что изредка выходит из наших государственных типографий, моментально разбирается с прилавков. И что же? Вы думаете, хоть один удмуртский бизнесмен взялся за выпуск песенников? Притом что это — дело верное! Увы...

В. И.: Похоже, в такой ситуации ваша «Удмуртология» приобретает особое значение.

Д. С.: Ну, хотелось бы верить! Однако на «Удмуртологии» нет и десятой части тех материалов, которые нужны для того, чтобы сайт стал интересным для широких кругов пользователей. К сожалению, возможности мои ограничены: проект я веду в одиночку, на это требуются силы, время, и, к сожалению, деньги, а ни того, ни другого, ни третьего постоянно не хватает. Впрочем, гораздо больше, чем времени и денег, мне не хватает понимания со стороны даже самых близких коллег. Ведь они пишут в офф-лайне про тех же удмуртов, часто — весьма интересно, но далеко не торопятся делиться со мной своими файлами для сайта. И, наоборот, как раз среди тех из моих коллег и друзей, кто не занимается удмуртскими темами, я нахожу наибольшее понимание — но конкретной помощи в наполнении проекта, увы, они оказать не могут.

В. И.: А почему они неохотно идут на сотрудничество?

Д. С.: По той же причине, о которой я говорил выше, — из-за превратных представлений о том, зачем нужен и что даёт интернет. Очень часто люди полагают, что публикация в интернете должна приносить им какую-то прибыль. В редакции одной из удмуртоязычных районных газет, куда обратился по моей просьбе их земляк, мой старый и хороший знакомый, в ответ на предложение открыть на моём сайте страничку, где бы можно было размещать избранные публикации из свежих номеров этой газеты, услышал всё тот же вопрос: «А что нам за это будет?» Но я не теряю надежды, что такой настрой можно будет переломить.

*Санкт-Петербург — Ижевск,
19 сентября 2005 г.*